

Глава 2. Приглашение

Симэнь Чуйсюэ не сдувает снег со своего меча.

В Тереме сотни цветов, где живет Хуа Маньлоу, всегда стоит дивный аромат.

Лу Сяофэн, конечно, не пошел бы к Симэню любоваться снегом — тем более что его там сейчас нет. Для этого еще не пришло время. Зато сейчас — пора цветения, и у него самое подходящее настроение, чтобы насладиться ароматами. В Поместье десяти тысяч слив тоже есть цветы, но там есть и Симэнь Чуйсюэ.

Поэтому, если он и хотел любоваться цветами, то лишь в Тереме сотни цветов.

Лу Сяофэн чувствовал: что-то не так. Хотя интуиция подсказывала, что беды не будет, а странное чувство — лишь пустота в желудке, он знал цену предчувствиям. Сыкун Чжайсин наверняка что-то слышал. От кого-то.

Он почти видел этого человека. Тот сидел и с усмешкой спрашивал:

«Угадай, если Лу Сяофэну придется выбирать, кого он спасет: Хуа Маньлоу или Симэнь Чуйсюэ?»

Этот некто мог быть заросшим бородой здоровяком, весело допрашивающим собутыльника между глотками вина. А мог быть и статным, худощавым ученым, чей вопрос звучал негромко, но таил в себе яд. Лу Сяофэн не знал, кто это, а Король воров Сыкун Чжайсин никогда не выдаст секрета.

Лу Сяофэн чувствовал — ему нужно увидеть Хуа Маньлоу. И если честно, не столько из-за туманных тревог, сколько из-за желания как следует пообедать в Тереме сотни цветов. К несчастью, сегодня он явно прогневал бога кулинарии: путь к трапезе оказался тернист.

Дорогу ему преградили.

Лу Сяофэн попытался было проигнорировать незнакомца и пройти мимо, но не тут-то было. Стоило ему забрать влево — и преграда смещалась туда же. Он делал шаг вправо — и человек оказывался прямо перед ним. Лу Сяофэн хотел развернуться и пойти в обход, но незнакомец в мгновение ока снова вырос перед его глазами.

Потрясающая техника легкости. Движения казались небрежными, но человек неизменно оказывался на пути. Лу Сяофэн нахмурился. Перед ним стоял щуплый, высохший старик. Волосы на макушке были собраны в пучок, одна прядь которого свисала до самых бровей. Длинные брови старика почти сливались с бородой. Казалось, и сам он вознамерился «слиться» с Лу Сяофэном, не давая ему и шагу ступить.

Старик заговорил первым. Голос его, старческий и надтреснутый, дрожал от напускной немощи:

— Молодой человек, вы загородили старику дорогу. Нужно уступить.

— Уж не слишком ли тяжела моя походка? — отозвался Лу Сяофэн. — Неужели я наступил на вашу тень, почтенный?

С этими словами он резко отпрянул, в одно мгновение отлетев на несколько чжанов. Но именно в этот миг промелькнула вспышка — едва уловимая, но нестерпимо яркая! Обычный человек не успел бы даже заметить её, а если бы и заметил — не смог бы уклониться.

Это был меч. Тонкий, невероятно гибкий меч. Удар такой стали несет неминуемую смерть.

Но перед стариком стоял Лу Сяофэн. Тот, кто видел мечи Симэня Чуйсюэ и Е Гучэна, разглядит и любой другой.

Лу Сяофэн вскинул руку, и узкое лезвие оказалось зажато между его пальцами. Меч замер, не в силах шелохнуться. Теперь он напоминал не грозное оружие, а безобидную стальную нить.

Другой конец этой «нити» был в руках старика. Он нанес удар столь стремительно, что Лу Сяофэн при всей своей зоркости не заметил, откуда было извлечено оружие. Меч мог прятаться в воротнике, мог быть обмотан вокруг запястья или опоясывать талию. Обычный человек при такой скорости выхватывания первым делом покалечил бы себя — либо удавился гибкой сталью, либо разрубил пополам.

От этой мысли Лу Сяофэн невольно усмехнулся и лукаво шевельнул усами — своими вторыми «бровями».

Старик же расхохотался:

— Верно говорят: это Лу Сяофэн! Лу Сяофэн о четырех бровях!

Лу Сяофэн разжал пальцы, и тонкий, как шелковинка, меч мгновенно скрылся. К величайшему изумлению Лу, ножны прятались в высокой причёске старика. Блеск стали — и меч исчез в волосах.

При всей своей искушенности Лу Сяофэн на миг оторопел. Он видел мечи, жаждущие крови, мечи, спасающие жизни, мечи, украшенные самоцветами и способные разрубать гранит, — но никогда еще не встречал оружия, скрытого в волосах.

Старик сложил ладони в приветствии:

— Сюй Бусю, из Терема, подпирающего небеса. Рад встрече.

— Так вы и есть Меч без меча, господин Сюй? Наслышан, — ответил Лу Сяофэн.

— Мой младший брат, Сюй Буэ, давно восхищается славой великого героя Лу и мечтал завести знакомство, — произнес старик. — Да только вы, господин Лу, будто на крыльях летаете — ему за вами никак не угнаться.

— В Поднебесной все люди — братья, — улыбнулся Лу Сяофэн. — Брат Сюй слишком много об этом думает.

Старик кивнул:

— Говорят, ваш Указующий перст Линси не знает равных. Сегодня я убедился в этом сам. Мой гибкий меч еще никто не осмеливался перехватить, а уж тем более — не перехватывал.

— Не возьмусь судить о превосходстве вашего клинка над другими, — парировал Лу Сяофэн, — но ваши «ножны», почтенный, воистину единственные в мире. Настоящее откровение.

Старик довольно прищурился и достал из-за пазухи аккуратно сложенное красное приглашение.

— Глава Терема, подпирающего небеса, велел доставить это вам. Мы будем ждать вашего визита, великий герой Лу.

Он взмахнул рукой, и приглашение, словно живое, влетело прямо в ладонь Лу Сяофэна. Тот едва коснулся его пальцами. В тот же миг старик подпрыгнул, взлетел на стену ближайшего дома и бесследно исчез.

Лу Сяофэн покачал головой. Он не собирался идти с визитом и уж тем более не горел желанием знакомиться с обитателями Терема, подпирающего небеса. Но вот беда: они сами, один за другим, бросились на его поиски.

Впрочем, сейчас у него была иная цель. Например — Терем сотни цветов.

Там и впрямь цвели сотни растений. Лу Сяофэн никогда не считал их, но знал: дивный аромат встречает путника задолго до того, как само здание покажется на глаза. И его лучший друг, Хуа Маньлоу, всегда ждал его в этом цветочном царстве.

Вдыхая нежный травяной аромат, Лу почувствовал, как отступает усталость. Подуй сейчас легкий ветерок, и он, пожалуй, запел бы какую-нибудь веселую песенку. Но Хуа Маньлоу не дал ему такой возможности. Ветер пришел сам, а вот петь было нельзя.

Едва Лу Сяофэн собрался открыть рот, как до него донеслись звуки циня.

Хуа Маньлоу играл. Он касался струн древнего инструмента пальцами, извлекая старинную мелодию. Чистые, возвышенные звуки смешивались с ароматом цветов. Никто бы не осмелился нарушить эту гармонию.

Лу Сяофэн, хоть и слыл порой наглецом, умел ценить красоту — быть может, поэтому он так легко покорял сердца красавиц и никогда не заставлял их страдать. Он замедлил шаг, ступая бесшумно и плавно, чтобы не потревожить друга.

Хуа Маньлоу, облаченный в простое, расшитое золотом одеяние, сидел за инструментом. Благородный, изысканный, с неизменной мягкой улыбкой на губах, он казался полностью погруженным в музыку. Он был необычайно красив, с одухотворенным и чистым лицом. Даже Лу Сяофэн не удержался от немого восхищения.

Присматриваясь к другу, Лу Сяофэн краем глаза заметил на маленьком столике рядом с цинем красное приглашение. Буквы на нем, освещенные солнцем, казались рельефными. Он разглядел их отчетливо: «Терем, подпирающий небеса».

Музыка оборвалась. Хуа Маньлоу улыбнулся:

— Брат Лу, ты, я гляжу, стал большим ценителем игры на цине.

Лу Сяофэн в один прыжок оказался рядом:

— Это просто ты, брат Хуа, с каждым разом играешь всё искуснее.

Друзья рассмеялись. Лу Сяофэн внезапно схватился за живот:

— Твоя игра столь прекрасна, что я совсем забыл — я ведь отравлен! Стоило музыке смолкнуть, и я чувствую: яд вот-вот меня прикончит.

Хуа Маньлоу, зная его повадки, подыграл:

— И что же это за яд?

— Голодный яд, — со вздохом ответил Лу Сяофэн. — Легкий симптом — обморок, тяжелый — неминуемая смерть.

— От этого яда у меня есть средство, — рассмеялся Хуа Маньлоу. — Лекарств так много, что даже не знаю, какое выбрать.

Лу Сяофэн азартно блеснул глазами:

— Неси всё, а уж я как-нибудь сам выберу лучшее!

Хуа Маньлоу легко постучал по дверце небольшого шкафчика. Раздался мягкий, глухой звук.

— Что ж, лечись сам, брат Лу.

Лу Сяофэн, сияя от радости, выудил из шкафчика фрукты и сладости. Любой другой смаковал бы каждое пирожное, но Лу готов был заглатывать их целиком, словно запивая вином.

Хуа Маньлоу это явно забавляло. Он медленно обмахивался веером и не задавал вопросов, позволяя другу насытиться. Хоть он и не видел, но по звукам легко угадывал: манеры Лу Сяофэна за едой сейчас были далеки от изящных.

Наконец, утолив голод, Лу Сяофэн откинулся на спинку резного кресла из сандалового дерева. Глубоко выдохнув, он пробормотал:

— Только у тебя, брат Хуа, можно поесть по-человечески.

— Ты, должно быть, снова вляпался в неприятности, — заметил Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн покачал головой:

— В этот раз не я в них вляпался. Это неприятности выстроились в очередь, чтобы досадить мне.

Хуа Маньлоу улыбнулся и, коснувшись пальцами края красного приглашения, спросил:

— Ты про это?

Лу Сяофэн расхохотался:

— Хуа Маньлоу, о друг мой! Среди всех умников Поднебесной не найдется никого, кто сравнится бы с тобой в проницательности.